

К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов

© *И.В. Захаренко, 1997*

I

Проблема взаимодействия языка и культуры многоаспектна, сложна и наиболее активно обсуждается в последнее время в современной филологической науке, что связывается, в частности, с возрастанием интереса к “языковой личности” [9]. В основе теории “лингвистической относительности” Сепира-Уорфа лежит убеждение в том, что люди видят мир по-разному — сквозь призму своего родного языка, т.е. восприятие окружающего мира детерминируется прежде всего языковыми нормами национального сообщества, к которому данный человек принадлежит. Особенно ярко данная проблема проявляется при изучении иностранных языков, поскольку частью процесса обучения языку является не только овладение языковой и речевой компетенцией, но и культурной компетенцией как составляющей коммуникативной компетенции. Повышение интереса к языкам и культуре других народов ставит проблему изучения и описания коммуникативного поведения, отражающего те факторы в употреблении языковых единиц, которые включают в себя коннотации, ассоциации и представления, связанные с национальным культурным сознанием. Результатом такого подхода является расширение рамок собственно лингвистических исследований, т.к. в данном случае невозможно обойтись без использования знаний таких научных дисциплин, как психология, когнитология, социология, этнография. Как справедливо отмечал Э. Сепир, “язык не существует [...] вне культуры, т.е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни” [14; с.185]; “язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены [...]. Внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности” [14; с.193]. И именно эта внешняя форма, с одной стороны — бесконечно разнообразна в различных культурах, а с другой — достаточно стереотипна для каждой конкретной культуры, что создает существенную проблему при овладении новым языком [13; с.4]. Другими словами, для успешного протекания акта коммуникации оказывается необходимым знакомство с общим

фондом знаний и представлений всех носителей данного языка, национально-культурных стереотипов мышления и поведения, реализуемых в дискурсе как составляющей коммуникативного акта. Эта мысль признается сегодня многими исследователями. Так, в последнее время все больше ученых обращает внимание на стереотипы, пытается выделить их национальные особенности (см., напр., работы Ю.А. Сорокина [15]; Ю.Е. Прохорова [13]; Н.В. Уфимцевой [19]; В.Н. Телия [17] и др.), кроме того, при исследовании стереотипного ядра знаний говорящих на данном языке используются термины “эталон”, “символ”, “инвариант” [17; 13]. В рамках настоящей статьи у нас нет возможности останавливаться на всех аспектах указанного комплекса проблем, мы сосредоточим внимание лишь на некоторых теоретических вопросах, которые связаны с соотношением таких понятий, как стереотип, канон, эталон (в сфере прецедентных феноменов, обуславливающих, на наш взгляд, национальную специфику протекания коммуникации на данном языке), и при игнорировании которых может, как нам кажется, возникнуть некоторая путаница.

II

1. В каждой культуре поведение людей регулируется сложившимися представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях: как ведет себя пешеход, пассажир, врач, пациент, гость, хозяин, продавец, покупатель, официант, клиент и т.д. Следовательно, разница между представителями разных лингво-культурных сообществ проявляется в поведении, т.е. тех стереотипах, которые отличают одно сообщество от другого и находят отражение в речевом общении, поэтому, принимая термин Ю.Е. Прохорова [13], в настоящей статье мы говорим о стереотипах речевого общения, не останавливаясь на рассмотрении “стереотипа” в разных научных направлениях (напр., в работах социологов, этнографов, психологов). Мы полностью согласны с названным исследователем, определяющим стереотип речевого общения как “социокультурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения” [13; с. 101]. Это определение, на наш взгляд, отражает следующие специфические особенности стереотипа:

(1) стереотип речевого общения всегда национален, или национально маркирован, он “принадлежит” данному этносу, поскольку приобретает в процессе социализации личности или в процессе жизне-

деятельности [13]; он есть “некоторый процесс и результат общения и конструирования поведения согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме” [15; с. 134];

(2) стереотип является устойчивым для данной культуры (или для определенного периода данной культуры¹) способом отражения действительности с точки зрения обыденного или “наивного сознания”, причем он не эксплицируется в коммуникации, “остается на уровне скрытых субъективных умонастроений, которые индивид и общество чаще всего от “чужих” намеренно скрывают” [13; с. 82] (что, собственно, и вызывает трудности при межкультурной коммуникации) и по сути своей реализации представляет собой “лингвистический фрейм”(цит. по [13; с.103]);

(3) наконец, стереотип связывается с такими понятиями, как стандарт и норма, причем стандарт является реализацией некоторой модели на социальном и социально-психологическом уровне, а норма является реализацией такой модели на языковом и психологическом уровнях, из чего следует, что реализация стереотипа прогнозируема участниками общения и является пресуппозицией этого общения.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, следует заметить, что национальные социокультурные стереотипы проявляются (а) в стереотипе организации самого речевого общения в определенном лингвокультурном сообществе [13], т.е. на уровне “что принято/ не принято” в данном сообществе (включая, напр., этикетные характеристики универсальных актов общения, социально-ролевые особенности данного этноса); (б) в использовании стереотипных языковых единиц (конструкций, моделей) для стандартных ситуаций реализации речевого общения (напр., фразеологизмов, стереотипных сравнений с животными, этнических стереотипов) и соотносимы, на наш взгляд, с понятием “канона” в широком смысле как некоего твердо установленного, традиционного, общепринятого правила или предписания². Иначе говоря, стереотипы

¹ Имеется в виду, что при изменении культурных ориентиров, обычно связанном со сменой эпох, могли варьироваться обычные стереотипы и на основании этого возникать новые культурные нормы, поскольку “видоизменение категориального пространства культурных дискурсов неизбежно ведет к мутации менталитета” [17; с. 252] (ср. в связи с этим ставшую классической работу Д.С. Лихачева “Человек в литературе Древней Руси”, а также сегодняшние изменения, происходящие в России и влекущие за собой изменения в мировоззрении и мироощущении человека).

² См. “Современный словарь иностранных слов”. М., 1993. С. 258.

есть ни что иное как национально маркированные ментально-лингвальные единицы, которые предписывают нормы, правила, установления, “складывающиеся” в процессе социального, психологического и — как отражение этого — языкового опыта лингво-культурного сообщества и являющиеся *каноническими* для данного сообщества. Позволим себе предположить, что стереотипы речевого общения в своей совокупности, вероятно, представляют систему запретов и предписаний, на основании которой *оценивается* речевое поведение представителя определенной культуры.

2. Нам представляется, что особое место при рассмотрении проблемы стереотипа (канона) и эталона занимают прецедентные феномены. Напомним, что для определения понятия — *прецедентный феномен (ПФ)* — прекрасно подходит дефиниция Ю.Н. Караулова, которую он дал прецедентному тексту (на наш взгляд, Ю.Н. Караулов трактует термин “текст” слишком широко): под ПФ мы понимаем феномены, “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [9; с.216]. Это то общее, что объединяет все прецедентные феномены, которые могут быть как вербальными (тексты в самом широком смысле этого слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения и т.д.) [12]. Видимо, такое широкое понимание прецедентности позволяет включать в разряд прецедентных феноменов все существующие в данном лингво-культурном сообществе стереотипы речевого общения, что в нашем представлении не совсем верно. В связи с этим мы разграничиваем прецедентные феномены в широком понимании и собственно прецедентные феномены (в узком понимании термина), относя к последним прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное имя и прецедентное высказывание [12], а к первым — стереотипы. Такое разделение обусловлено, по крайней мере, двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, за собственно прецедентным феноменом (в дальнейшем — ПФ) “стоит” некоторый конкретный (единичный) феномен, на основе которого “складывается” представление/представления об этом феномене, а именно, *инвариант восприятия того или иного ПФ* [5; 12], общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном,

редуцированном виде [2]. Так, прецедентное имя может включать знания об историческом деятеле (Кутузов), конкретном, реальном лице (Сусанин), герое литературного произведения (Плюшкин); прецедентная ситуация — о конкретной реальной ситуации или о ситуации в литературном произведении; прецедентный текст — знания о конкретном тексте. Что касается стереотипов, то за ними “стоит” некий собирательный, обобщенный, абстрактный образ, что не позволяет соотносить их с каким-либо конкретным, единичным феноменом. Во-вторых, из вышесказанного следует, что прецедентные феномены принадлежат сразу двум структурированным “системам”: когнитивной базе³, хранящей инварианты представлений о данных прецедентных феноменах, и культурному пространству⁴, включающему в себя “все существующие и возможные знания и представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества” [3], в то время как стереотипы являются элементами только культурного пространства. В связи с этим выскажем предположение о том, что наличие у прецедентных феноменов инвариантов восприятия (в форме “свернутого” имплицитного представления, хранящегося в когнитивной структуре и передающегося из поколения в поколение) позволяет воспринимать их как *эталоны* в широком понимании этого термина — как образцы, с которыми *сравниваются* реальные явления, предметы и т.п.⁵ — и отличать от собственно стереотипов речевого общения, соотносимых с канонами, о чем мы говорили выше⁶. При этом “эталоны” сами задают модели обработки, оценки поступающей в лингво-культурное сообщество информации и ее сопоставления с уже имеющейся, что делает возможным “межпоколенную трансляцию” представлений, сохраняющих, в свою очередь, единство национальной культуры [1]. В силу ограниченности объема статьи рассмотрим при-

³ Когнитивная база представляет собой структурированную совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке [12].

⁴ Культурное пространство выступает как форма существования культуры в сознании человека [3].

⁵ См. “Современный словарь иностранных слов”. М. 1993. С. 726.

⁶ Если следовать вышеизложенной точке зрения, то из четырех форм выражения стереотипов, выделенных Ю.Е. Прохоровым исходя из широкого, на наш взгляд, понимания прецедентности (а) отдельная лексическая единица как репрезентант ментальных стереотипов и как результат “стяжения” социокультурных сценариев специфической для данной культуры деятельности; (б) единицы фразеологической системы; (в) прецедентные текстовые реминисценции; (г) прецедентные национально-культурные прагмарефлексы [13; с.188] для нас автоматически исключаются (в) прецедентные текстовые реминисценции — в нашей интерпретации-прецедентные высказывания, относимые нами к собственно прецедентным феноменам.

мер только с прецедентным именем и не откажем себе в удовольствии привести достаточно длинную, но показательную цитату в рамках рассматриваемой проблемы из научной статьи Д.Б. Гудкова: “Для тех, у кого русский язык является родным, А.С. Пушкин — это эталон поэта (об этом свидетельствуют результаты ассоциативного эксперимента). Подобным представлением обладает любой член русского лингвокультурного сообщества, оно не зависит от личного отношения к Пушкину того или иного человека. [...] С этим связано еще одно явление. Пушкин символизирует и задает целую литературную систему, определенную художественную парадигму. Не случайно, что при попытке разрушить эту систему, изменить данную парадигму, Пушкин открывает ряд тех, кого предлагается “бросить с Парохода современности”. (Обратим внимание на то, что в данном случае, как и в текстах членов ОБЭ-РИУ [...] речь идет не о реальном Пушкине и его творчестве, а о представлении о прецедентном феномене, отражающемся в национально-культурном сознании и закреплённом в когнитивной базе русского лингво-культурного сообщества”[1; с.20].

3. Кратко остановимся на вопросе о каноне и эталоне в узком понимании, рассматривая в совокупности формальный, “содержательный” и когнитивный аспекты прецедентных феноменов. При такой постановке вопроса канон, как нам кажется, соотносится с формальной стороной ПФ, а эталон — с содержательной, обязательно учитывающей экстралингвистические факторы функционирования единицы⁷. В связи с этим нас интересуют *вербальные* прецедентные феномены, имеющие четко фиксированную форму, т.е. прецедентное имя и прецедентное высказы-

⁷ В.Н. Телия, исследуя национально-культурную специфику идиом, относит фразеологизмы к культурным стереотипам, утверждая, однако, что как знаки вторичной номинации они ассоциируются с культурно-национальными эталонами. Под эталоном при этом понимается “характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией-персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства. Реалия, выступающая в функции эталона, становится таксоном культуры, поскольку она говорит не о мире, но об “окультуренном” мировидении“ [17; с.242]. На наш взгляд, эталон в приведенной концепции рассматривается как раз в узком понимании термина, а способность фразеологизмов функционировать в качестве “эталона”, как прецедентные феномены, видимо, можно попытаться объяснить, сославшись на точку зрения некоторых исследователей (в частности, А.Е. Супруна), считающего, что фразеологические выражения возникли из текстовых реминисценций, но затем соответствующие тексты были забыты, остались одни реминисценции, нередко — в усеченном виде [16; с.26]. Другими словами, можно предположить, что фразеологизмы на диахронном уровне имели прецедентную ситуацию. Эта проблема ждет своего исследования.

вание (см. подробнее [8; 11; 12]). Однако заметим, что специфика прецедентного имени (ПИ) как прецедентного именно и состоит в том, что при употреблении его в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков, входящих в инвариант восприятия данного прецедентного имени [2; 8; 12], в результате чего ПИ, как правило, функционирует как эталон некоего свойства или характеристики, что с некоторыми оговорками соотносимо с функционированием прецедентного имени как символа [8; 12] (на данной проблеме мы в настоящей статье не останавливаемся), следовательно, ограничимся рассмотрением только прецедентного высказывания.

3.1. Прецедентные высказывания (ПВ) подразделяются на две группы: (а) “канонические” (с точки зрения формы), т.е. высказывание выступает как строгая цитата, не подвергающаяся изменениям, и (б) трансформированные, т.е. ПВ узнается, но происходит изменение его формы [4; 6]. В качестве иллюстрации сказанного приведем пример из телевизионной программы “Клуб “Белый попугай”, где слушателям предлагалась трансформация извечного вопроса русской интеллигенции “Что делать?” от момента его возникновения до наших дней (цитируем по памяти): XIX в. — Что делать?; начало XX в. — Надо что-то делать! ; 30-е — 50-е годы XX в. — Что делается?! ; 70-е — 80-е годы — Ну что поделаешь... ; 90-е годы — Шо за дела!!!

3.2. Прецедентное высказывание может иметь поверхностное, глубинное значения и системный смысл⁸.

3.3. За прецедентными высказываниями (как и за другими ПФ) всегда стоит комплекс когнитивных структур, лингвистических и феноменологических⁹ Кроме этого, ПВ как психологические феномены соотносятся с клише сознания и штампом сознания¹⁰.

⁸ 1) поверхностное значение равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;

3) системный смысл представляет собой “сумму” глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста, прецедентной ситуации) и связанных с ним коннотаций. При этом смысл может присутствовать в системе: (а) имплицитно и проявляться лишь в функционировании в виде коннотаций и (б) эксплицитно, т.е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания [6; 7].

⁹ Под *когнитивной структурой (КС)* мы понимаем некую “содержательную” (т.е. имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования и хранения информации [10; 11; 12].

3.4. Таким образом, мы можем представить таблицу, отражающую соотношение “канонического” и “эталонного” употребления прецедентного высказывания (см. табл. 1).

Таблица 1. Предлагаемое соотношение “канонического” и “эталонного” употребления ПВ

	“Каноническое” употребление	“Эталонное” употребление
1.	актуализируется поверхностное значение	актуализируется системный смысл
2.	“порождается” фонетико-звуковой ассоциацией	“порождается” семантико-когнитивной ассоциацией
3.	штамп сознания	клише сознания
при- меры	а) Оставь одежду, всяк сюда входящий (баня как торжество демократии — ни чинов, ни званий, ни наград). б) Если звезды приезжают, значит, это кому-нибудь нужно (об агитконцерте российских “звезд” эстрады в поддержку Б.Н. Ельцина).	а) Не знаю, как в Италии с дураками, но вот дороги там отменные. б) Фестиваль имени классика, любившего краткость (о фестивале имени А.П. Чехова). в) Восток — дело дохлое (о

К лингвистическим когнитивным структурам (ЛКС) мы относим те КС, которые лежат в основе языковой и речевой компетенции и формируют совокупность знаний и представлений о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке. *Феноменологические когнитивные структуры (ФКС)* — формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных и т.д. [10; 11; 12].

¹⁰ Критерием разграничения клише сознания и штампа сознания служит наличие/отсутствие информационной нагрузки; иными словами, за клише сознания стоит семантико-когнитивная ассоциация, за штампом сознания — фонетико-звуковая [10]. Таким образом, штамп сознания оказывается связанным с лингвистическими когнитивными структурами и, соответственно, с поверхностным значением высказывания. Клише сознания оказывается связанным с феноменологическими когнитивными структурами и, следовательно, с системным смыслом прецедентного высказывания.

	в) Есть или не есть, вот в чем вопрос (о ситуации в Грузии).	ситуации в республиках Средней Азии после распада СССР).
--	--	--

Итак, подведя итог сказанному, подчеркнем, что прецедентные феномены в широком смысле включают стереотипы речевого общения, соотносимые нами с канонами, и собственно прецедентные феномены (эталоны в широком понимании), что связано с разной природой исследуемых единиц. Автор понимает, что некоторые из высказанных теоретических положений могут показаться спорными, но надеется на подтверждение своих гипотез при дальнейшем исследовании.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и политический дискурс // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. М., 1997.
- [2] *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. № 6.
- [3] *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996. В печати.
- [4] *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний. В печати.
- [5] *Гудков Д.Б., Красных В.В., Багаева Д.В., Захаренко И.В.* Прецедентные тексты и проблема восприятия русского текста в иноязычной аудитории. В печати.
- [6] *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- [7] *Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 100-115.
- [8] *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. (см. наст. сборник).
- [9] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [10] *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования. Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 3. С. 67-83.
- [11] *Красных В.В.* Некоторые аспекты психолингвистики текста // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996. С. 25-44.
- [12] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. В печати.
- [13] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [14] *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

- [15] Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятия // Общение: теоретические и прагматические аспекты. М., 1978.
- [16] Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С.17-29.
- [17] Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- [18] Уфимцева Н.В. Русские глазами русских // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.
- [19] Уфимцева Н.В. Этнические ритмы и стереотипы культуры. // Язык, сознание, этнос, культура 94.